

Виолончели потребовалось почти три дня, чтобы прийти в сознание. Увидев себя лежащей на кровати, она поняла, что мужчина, должно быть, принес ее туда.

“Кровать действительно хорошая ...”

Виолончель медленно встала. Ее ноги все еще болели, но не до такой степени, чтобы она не могла двигаться. Когда она провела пальцами по волосам, небрежно подстриженные пряди неловко рассыпались по ее пальцам.

Она переоделась в прекрасный шелковый халат. Виолончель осторожно коснулась кружева, затем встала с кровати и оглядела комнату.

Мебель, на которой не было ни пылинки, была полностью черной и расставлена так аккуратно, что становилось душно. Единственными вещами, вышедшими из строя, были поношенное пальто и туфли, которые были на ней.

Смущенная своими вещами, которые пятном лежали в великолепной комнате, Виолончель тихонько собрала свою одежду и обувь.

Затем раздался стук в дверь.

“Да, да!”

Виолончель быстро схватила свои вещи и закричала. Дверь открылась, и вошел слуга, лицо которого было полностью закрыто.

“Ты проснулся? Есть что-нибудь неудобное?”

Слуга, одетый в просторную мантию, вежливо поклонился. Виолончель прищурилась и оглядела слугу.

Но было трудно определить их возраст или пол по голосу и телосложению. Даже Виолончель, которая умела читать людей, не могла догадаться, они, несомненно, были тщательно натренированы.

“Я не могу видеть тебя, и ты не можешь видеть меня. Таков принцип этого особняка”.

Слуги, чувствуя взгляд Виолончели даже с закрытыми глазами, объяснили тихим голосом.

“Тогда я приведу герцога”.

“Герцог? Так это он ...”

Но слуга не ответил и вышел из комнаты.

“... Герцог Трепе?”

‘Хик.’ Виолончель была удивлена собственными словами и прикрыла рот обеими руками.

Герцог Трепе, также известный как “глупый герцог”, был хорошо известной фигурой в империи, даже Виолончелисту.

Позор дворянина, быть герцогом и поливать цветы на ферме, робкий и глупый.

Дети пели песни, высмеивающие глупого герцога, а их родители смеялись и не останавливали их.

Могло ли быть так, что человек, которому она помогла ... и у которого одолжила услугу ... был герцог Трепе?

Затем раздался стук, и дверь открылась. Виолончель вскочила и убежала.

“Я, я приветствую герцога!”

Виолончель поклонилась, согнувшись почти наполовину в талии, но ответом был холодный голос.

“Беспокойный. Садись”.

“Да...”

Виолончель села обратно на кровать, а герцог сел на стул подальше от кровати. Расстояние между ними снова увеличилось.

Виолончель осторожно подняла взгляд, чтобы посмотреть на него.

Он выглядел совсем не так, как при их первой и второй встречах.

Конечно, на нем не было круглых очков, которые он носил при их первой встрече. Волосы, которые были дико распущены при их второй встрече, были аккуратно собраны в пучок. Только рубашка, навязчиво застегнутая чуть ниже подбородка, осталась прежней. Его лицо, теперь лишенное безумия и наивности, выражало достоинство и грацию.

‘Он красив ...’

Виолончель пробормотала что-то себе под нос, отбрасывая свою предыдущую мысль об отмене ‘красивой’ части.

Таинственные золотистые глаза, сияющие под четко очерченными надбровными дугами, заставляли даже усталость, глубоко запечатлевшуюся вокруг его глаз, казаться опытом. Его твердо сжатый рот и прямая линия подбородка создавали ощущение доверия.

Он не был похож ни на человека, который оказался бы на месте кровавого преступления, ни на того, с кем обращались бы как с дураком.

‘Нет, но что произошло на самом деле?’

Виолончель, которая инстинктивно любовалась его лицом, пришла в себя и покачала головой.

Она была уверена, что этот мужчина был тем же самым человеком, которого она встречала. На нем был императорский мундир, который он надевал, когда собирался убить ее, а на рукаве мундира было изображение орла, кусающего змею. Это был тот же образец, что и бумажник, который она украла.

Герцог открыл рот в сторону Виолончели, которая была сбита с толку.

“Почему ты их не надела?”

Герцог нахмурился, глядя на босые ноги Виолончели и домашние туфли, стоявшие рядом с ними.

Виолончель ответила, ничего не скрывая, на неожиданный вопрос.

“Ну, они выглядели слишком дорогими для меня, чтобы носить их ...”

Виолончель обнимала свою старую одежду, когда говорила в извиняющейся манере. Герцог говорил с непроницаемым лицом.

“Имя”.

“Виолончель”.

“Настоящее имя”.

“Это мое настоящее имя”.

“Что?”

В голосе герцога слышался намек на удивление. Виолончель пожала плечами.

“Это немного странно, не так ли? Я знаю”.

Виолончель означала ‘ноль’ на имперском языке и не использовалась в качестве имени человека.

“Я был самым высоким в приюте. Так вот как это случилось”.

Герцог молчал. Виолончель осторожно спросила дальше.

“Простите, как зовут вашу светлость?”

Герцог ответил не сразу. Кейло наблюдала за его настроением, теребя пальцы. Через некоторое время герцог нарушил молчание и открыл рот.

“Племя фон Трепе”.

Это действительно правда? Рот Виолончели разинулся.

“Гм, герцог Трепе, возможно, у вас есть брат-близнец ...”

Брови герцога слегка дернулись.

“Бессмыслица”.

“Я так и думал...”

Виолончель низко склонила голову. Эстрибал холодно произнес:

“Не называй меня герцогом Трепе”.

Для простолюдина было довольно грубо обращаться к дворянину без титула, но ничего не поделаешь. Трепе это заслужил.

“Э-э, да, ваша светлость. В любом случае, вы тот, кто ...”

“Я должен выколоть тебе глаза или отрезать язык, раз уж ты увидел мое настоящее лицо”.

Услышав резкие слова, Виолончель закрыла рот.

‘Слухи оказались правдой’.

Из поколения в поколение ходили слухи, что у императора Атуны или Империи были секретные агенты, похожие на членов семьи. Эти агенты, известные как псы императора или императорские посланники, были настолько жестоки, что любого, кто узнал их личность, убивали, чтобы заставить их молчать. И эти агенты на самом деле были из семьи глупого герцога Трепе!

‘Неудивительно, что я никогда раньше не видел такого рисунка’.

Виолончель что-то пробормотала себе под нос, ожидая реакции.

“Я ищу того, кто украл Духа" Rien...by имперский орден.

“Что ... это?”

Виолончель ответил, покрывшись холодным потом. Эстрибал встретился взглядом с Виолончелью. Его взгляд цвета тыквы вспыхнул, как пламя.

“Сокровище, которое ты украл”.

'Hng'. Плечи Виолончели задрожали. Но Виолончель говорила нагло.

“Я ничего об этом не знаю. Я не вор!”

Эстрибал не ответил и пристально посмотрел на Виолончель. Виолончель торопливо заговорила:

“На самом деле, я такая. Ты передел меня, не так ли? Ты, должно быть, видел, что на мне ничего нет!”

К счастью, бусина куда-то исчезла, как только был заключен контракт, а больше Виолончель ничего не принесла. Это было бы достаточным алиби.

“Я тебя не менял”.

“А?”

Эстрибал нахмурился.

“Как ты думаешь, что это за люди ...”

Эстрибал замолчал, прищелкнув языком. Лицо Виолончелиста вспыхнуло.

“Нет, я не это имел в виду!”

Виолончель торопливо обмахивалась веером, пока говорила.

“В любом случае, спасибо тебе за мое спасение, но я целительница, поэтому мне поручили эту

работу!”

Эстрибал прищурился и возразил:

“Похоже, твои товарищи не знали, что ты целительница”.

[Виолончель, ты, ты был целителем?]

Восклицание Икс промелькнуло в голове Виолончели. Виолончель, глаза которой дрожали, изо всех сил пыталась успокоиться и продолжала оправдываться.

“Ну, это было секретом среди моих товарищей. Как ты знаешь, целители так редки ...”

“Что ж, это прекрасно. Что меня интересует ...”

Эстрибал оборвал слова Виолончели и встал со своего места. Он был довольно высок для особы императорской крови. Виолончель сгорбился и посмотрел на Виолончель снизу вверх.

Эстрибал медленно приблизился к Виолончели. Его движения были осторожными, как будто он измерял расстояние.

Наконец, когда расстояние между ними стало достаточно большим, чтобы они могли коснуться друг друга, если протянут руку, бровь Эстрибала яростно нахмурилась.

“Ты действительно ничего не знаешь”.

Он открыл рот и заговорил тихим голосом. Его тон был настолько устрашающим, что звучал почти как угроза, но Виолончель быстро кивнула.

“На самом деле, я всего лишь обычный целитель! Я помогу тебе найти то, что ты ищешь! Хотя раньше я промышлял в переулках в качестве карманника ...”

Виолончель глубоко вздохнула и заговорила.

“Потому что я целитель!”

Эстрибал пристально посмотрел на Виолончель. Его глаза яростно сверкнули, но Виолончель, напротив, уверенно положила руку на талию и встретила его взгляд. Эстрибал открыл рот.

“Итак, целитель. Насколько хороши твои навыки?”

“Ну, э-э, я могу залечивать не слишком старые раны”.

“Не слишком ли старые раны?”

“Да, примерно в течение 10 минут...”

“Двусмысленный”.

Когда Эстрибал нахмурил брови, Виолончель торопливо заговорила:

“Ну, но я могу исцелить любого, кто был ранен в течение 10 минут! Пока они еще живы, я могу их исцелять!”

“10 минут, хм...”

Рот Эстрибала медленно скривился, когда он посмотрел на Виолончель странными глазами.

“Хорошо. Тогда ты поможешь мне”.

‘Уф’. Виолончель вздохнула с облегчением.

“Прикажите принести еду в вашу комнату. Если вам что-нибудь понадобится, скажите слугам”.

Виолончель огляделась, но никаких признаков звонка не было.

“Итак, эм ... как мне их назвать?”

Эстрибал без всякого движения открыл рот и заговорил тихим голосом.

“Выходи”.

Виолончель вздрогнула. Через мгновение слуга в черной мантии бесшумно открыл стену и встал рядом с Виолончелью.

“Уходи”.

После его слов слуга исчез, как будто их никогда и не было. Казалось, что в стене был проложен потайной ход. Но вместо того, чтобы удивиться, Селло выглядел спокойным.

Другим он, вероятно, тоже казался таким существом. Особенно таким аристократам, как Эстрибал.

“Тебя кто-нибудь ищет? Я позволю тебе установить контакт”.

На вопрос Эстрибала Виолончель покачала головой. У нее не было семьи. Подруга, о которой она думала как о младшей сестре...

“Я не знаю”.

Виолончель холодно пробормотала. Эстрибал вопросительно посмотрела на Виолончель, но та быстро сменила тему.

“В любом случае, если ты найдешь человека, который это украл...что ты будешь делать?”

“Хороший вопрос”.

Эстрибал скрестил руки на груди и посмотрел на Виолончель.

Виолончель с трудом сглотнула с напряженным выражением лица.

“Люди по-разному разворачивают вещи. А как насчет тебя?”

“Хм, я раньше почти ничего не покупал ...”

“Какая жалость”.

Виолончель неловко почесала щеку. Она крала только те вещи, которые уже были развернуты, она почти никогда не покупала новые вещи.

“Некоторые люди развязывают ленту, аккуратно разрывают оберточную бумагу, чтобы она не

повредилась, и достают содержимое, но я...”

Эстрибал холодно улыбнулся.

“Я разрезал ленту и сжег оберточную бумагу”.

Закончив свои слова, Эстрибал развернулся и вышел из комнаты. Несколько секунд спустя Виолончель, которая поняла его слова, замерла.

Воображение разыгралось в голове Виолончели.

Эстрибал держал бусину с духом и жестоко смеялся, а рядом с ним яростно горела Виолончель с перерезанным горлом.

Виолончель непонимающе пробормотала.

“Давай сбежим”.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/105087/4371428>